

Танкер «Дербент» : Стахановский рейс -5

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Стахановский рейс -5 5.

Весть о стахановском рейсе облетела все закоулки порта. Танкер «Дербент» ушел в море, и о нем ничего не было слышно до утра. В шесть часов он откликнулся на вызов по радио, когда начальник эксплуатации пароходства запрашивал о скорости. Но радист Тарумов записал в журнал невиданную цифру – четырнадцать узлов. Это было что-то уж слишком много и походило на ошибку. Из пароходства звонили, торопили с ответом. Тарумов решил проверить и вызвал «Дербент» вторично. Он пропустил время для передачи метеосводки, и на столе его накопился ворох неотправленных телеграмм. Он работал ключом до тех пор, пока не просвистало в ответ хриплое тональное радио: «Все в порядке. Скорость четырнадцать с половиной». И после короткой паузы отрывистая, как ругательство, звонкая дробь – «девяносто девять». Радист захохотал и бросил наушники. На международном языке радиолюбителей эта цифра означала «пошел к черту». Володька Макаров хулиганил от радости или взаправду сердился на частые вызовы.

– Ты понимаешь, Муся, – говорил Тарумов, – они перекрыли все прежние скорости! «Агамали» делает с грузом двенадцать, и это считается хорошим ходом. Да что они, чудесники, что ли?

И Белецкая ответила сдержанно:

– Подождем радоваться. Они еще не пришли на рейд. Скорость большая, конечно, но... надо еще суметь закрепить достижение. До сих пор они вечно отставали, – прибавила она.

Но вскоре позвонили из редакции «Большевика Каспия», спрашивались о скорости «Дербента». Муся говорила в трубку небрежным тоном:

– Последние сведения – скорость четырнадцать с половиною. Не верите? Тогда вам придется зайти на радиоцентр, чтобы

убедиться... да, да, поздравляем...

Только бы их не задержали на рейде. Мы будем извещать вас каждый раз, как будет что-нибудь новое...

В восемь часов Тарумова и Белецкую сменили. Они шли вместе до перекрестка, как всегда, он держал Мусю под руку, и оба они молчали, не стесняясь этого молчания, как люди, давно привыкшие друг к другу. Внезапно Муся спросила:

– Вероятно, о «Дербенте» напишут в газетах? Как ты думаешь?

– Обязательно.

– А портреты?

– Чьи портреты?

– Ну, их... стахановцев.

– Да ведь их сорок пять человек... Лучших людей, вероятно, заснимут, не всех!..

– Посмотреть, какие они... Слушай, Арсен!..

– Ну?

– Я читала, что Алексея Стаханова в прошлом году травили какие-то администраторы. Неужели это правда?

– Конечно, правда. Но почему ты спрашиваешь?

– Да как-то странно. Ну, прощай, Арсен.

– Прощай. Что ты какая-то чудная? У тебя глаза сделались большими... Смотри не попади под трамвай...

Под утро Тарумов вновь связался с «Дербентом». За ночь танкер не сбавил скорости. Он прошел расстояние до Астраханского рейда за тридцать один час. У Тюленьей банки его поджидал караван барж. К утру ветер посвежел и началась зыбь. Последнюю баржу подвели с трудом. Несмотря на это, разгрузка была окончена за три часа. Танкер уже шел в обратный рейс, и вдогонку ему с севера спешила крупная зыбь, грозившая замедлить ход.

Днем на радиостанции дежурила другая смена, и, явившись вечером на вахту, Тарумов посмотрел журнал. Никаких записей о ходе стахановского рейса не было. Прибытия «Дербента» ожидали после двенадцати часов дня, но уже в восемь часов радист услышал его позывные.

«Находимся на траверзе острова Жилого. Будем через два часа. Сообщите пристань погрузки».

– Как это может быть? – удивился дежурный. – Ведь если они сейчас на траверзе Жилого, то им остается хода часа три, не меньше. Может быть, радист напутал?

– Звоните в диспетчерскую, – усмехнулся Тарумов, – никто не напутал, все верно!

– Да не может этого быть. Я сам плавал, я знаю!

– Ты не знаком с их новой трассой. Они идут другой стороной острова, проливом. Этот путь много короче.

– Да ведь там мелко...

– Глубина восемь футов. Они идут порожнем, без балласта. Кроме того, они освободились от ненужных грузов и уменьшили осадку. Они все рассчитали, не беспокойся.

– Ах, молодцы! Недаром о них столько говорят в порту. Теперь о них узнают в Махачкале, и в Астрахани, и в Красноводске...

– Одного из них я знаю. Это радист Макаров. Обыкновенный парень, совсем мальчишка... Очень веселый...

– А я знаю их капитана. Так себе, ничего особенного. Старичок. «Пожалуйста, голубчик... Спасибо, голубчик...» Тихоня.

И Муся, молча кусая губы, слушала этот разговор. Она притихла с утра, и на нее не обращали внимания. Неожиданно она сказала Тарумову деланно небрежно!

– На пристани, вероятно, будет много посторонних. Что, если пойти посмотреть?

– Пожалуй, – согласился Тарумов, – я тебя провожу.

– Мне хочется прогуляться. – И она торопливо добавила: – Такой славный вечер!

Они шли по шоссе к нефтегавани. Муся машинально перебирала его пальцы, прижималась к нему плечом и молчала. Тарумов рассуждал вслух:

– Что такое стахановский метод? Рационализация, разумная организация труда, использование до дна технических средств производства. Мне кажется, что этот метод применим везде, где труд оснащен техникой. Почему не применить его в системе радиосвязи? Я даю сто с лишком знаков в минуту и быстро нахожу абонента. Но это еще не все. Если настроить передатчик и устранить шумовой фон... Как ты думаешь, Муся?

Они миновали корпуса завода, и в глаза им ударил нестерпимый

блеск моря. Посреди бухты медленно разворачивался стальной гигант, возвышаясь над водой желтоватыми ржавыми бортами. За его кормой вскипали клубы пены.

– Это... он? – спросила Муся, останавливаясь.

– Он самый, стахановец! Пойдем скорее.

– Нет, погоди...

Мимо них прошли на пристань какие-то люди, оживленно разговаривая и помахивая портфелями. Тарумов услышал обрывок фразы: «...сто двадцать процентов рейсового задания...»

Муся освободила руку и смотрела на пристань широко раскрытыми глазами.

– Отсюда хорошо видно, – сказала она тихо, – дальше я не пойду.

Он взглянул на нее тогда с удивлением и некоторой надеждой, так как вспомнил, что на «Дербенте» плавает этот Басов... Так, значит, Муся не хочет видеть его?

Тарумов вынул часы.

– Теперь ровно десять. Они проделали этот рейс за шестьдесят три часа. Все-таки я сбегаю взглянуть, как они подойдут. Постой здесь, Муся.

Он махнул рукой и побежал под гору к пристани. Белецкая осталась одна. Powestler